

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 32

15 августа 1944 года

№ 32

СГ-428

СОДЕРЖАНИЕ:

Двенадцатая беседа старого казака с молодыми

★

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краевнов

★

Наши братья калмыки

★

Мы куем кадры — В. Никонов

★

Андрон Пылаев — рассказ А. Яганова

★

Культурно-просветительный взвод — Б. Ганусовский

★

Первый Синегорский — Петр Химин

★

Стихотворения Н. Келина и П. Полякова

★

Как разыскать родных? — справка

★

Розыски

Молодой казачий урядник весел и жизнерадостен

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Беседы старого казака с молодыми

Беседа двенадцатая Донесения

Немецкий устав подготовки пехоты, часть 2, издания 1941-го года в § 188 говорит о донесениях:

«При всех донесениях, лицо, посылающее донесение, должно выражаться ясно и определенно. Следует выделять то, что сам видел, от того, что другой заметил, или сказал, и что является предположением.

Следует указывать источник полученных сведений. Предположения следует обосновывать.

Неправильные и преувеличенные донесения затрудняют командование и часто приводят к ненужным жертвам».

Хотя и все ясно в этом отделе немецкого устава, говорящего о «службе донесений», но я уточню, поясню и расскажу, как это делалось раньше и как это должно делаться.

Начальник, кто бы он ни был — командир ли полка или начальник больших соединений не видит и не слышит того, что видят и слышат его глаза и уши — выброшенная им вперед разведка. Вот тут то и должны толковые донесения давать ему точную картину того, что происходит у неприятеля и давать так, чтобы он, соображая по карте, как бы сам все это видел.

В донесении пишется:

Кто и откуда посылает донесение: — № раз'езда, имя начальника раз'езда и точное место, откуда начальник раз'езда наблюдает за неприятелем.

Кому и куда посылается донесение.

Точное время отправки донесения: — число, месяц, час и минуты отправления. Это должно так войти в обычай разведчика-казака, что он и все свои частные письма будет помечать временем и местом отправления. Обстановка на войне постоянно меняется и начальник отряда по времени посылки донесения сообразит, что могло за время доставки донесения произойти у противника.

Коротко и толково излагается, **что делает противник** — стоит ли на месте; движется ли походом и куда, с какими мерами охранения; устраивается ли на позиции; окапывается; ведет бой и с кем. **Сила противника, состав его войск.** Нужен наметанный казачий глаз, чтобы издали, в бинокль, определить, идет рота, батальон или еще большие силы; какие везут орудия и сколько; есть ли и сколько пулеметов, есть ли и сколько конных; есть ли и какие машины? На мирных учениях — маневрах глаз намечается, приучается распознавать издали, какая часть, какое подразделение идет походом.

В Санкт-Петербурге, в Военно-Ученом Архиве Главного штаба и в Московском архиве в Кремле хранились донесения казачьих офицеров и урядников времен Отечественной войны 1812 года. Каким твердым духом веяло от этих толстых пожухлых листов синеватой, шероховатой бумаги, четко и грамотно исписанных рукою наших предков.

«... Неприятель, и в силе, движется по дороге от Карелич к Миру. Насчитал его десять эскадронов. Идут шагом, а зараз пошли рыской. Пушек не видеть. Урядник Касаркин».

Проставил Касаркин и час. А часов то у него нет. Часы тогда были такой драгоценностью, что не

каждый и крупный начальник имел их. Значит, сообразил время по солнышку, или ночью по звездам. Писали и так: «после вторых кочетов у неприятеля поднялся шум, стали, видать, подниматься с ночлега»...

Донесение кладется в конверт и на конверте делается надпись кому и куда должно быть доставлено донесение. Указывается скорость доставки. Если донесение не требует срочной доставки — ставится на конверте один крест — значит — вези пакет шагом, поберегая коня. Два креста на конверте говорят о том, что нужно везти пакет со скоростью восемь верст в час — шагом и рысью. Три креста — скачи, как можно скорее. Казак, везущий донесение, должен сообразить, как ему его везти. Если расстояние до поста отправки донесений или до начальника малое — две, три версты — он скачет во весь опор коня — карьером. Если оно шесть-восемь верст, казак скачет широким наметом. На большие расстояния он скачет то широким наметом, то идет рысью, что бы не замотать коня.

В старину конвертов не было для донесений, их складывали и заклеивали сургучем или воском. Сверху прикрепляли птичьи перушки. Шагом — одно перо. Шагом и рысью — два пера. Три — означало, что нужно гнать не жалея коня. Отсюда и пошло выражение «наставить пера», то есть, выгнать, как выгоняют везущего донесение.

Важные донесения посылают в двух списках, с двумя казаками, по разным дорогам.

Если везущий донесение попадет в руки неприятеля — он должен проглотить конверт с донесением, чтобы неприятель ничего не узнал о нашем расположении.

Донесение должно быть кратким, но не в ущерб ясности. Например:

«... Противник вытягивается колонной из деревни Пески. Насчитал три роты. Везут пять пулеметов на вьюках. Вперед прошла дозорная цепь. Сзади идут связанные самокатчики. За деревней поднялась густая пыль. Встречный в лесу житель сказывал — там идет поболее полка. Остаюсь наблюдать у опушки леса у высоты 27»...

Через час тот же раз'езд доносит:

«... Виденные мною в 7 часов 43 минуты роты свернули от Пески на восток. На ржаном поле рассыпали цепи. Роят окопы. В деревне слышен шум многих голосов. Между домов, показалось мне, прошли три танка. Проехало еще восемь больших автомашин, груженных людьми. К мельнице западнее Пески прошло два орудия и стали позади нее. Прилагаю схему».

Такие «планы-схемы» и «панорамные схемы» очень помогут начальнику по его карте разобраться, где неприятель. На панорамной схеме должно быть точно обозначено место, откуда наблюдал и зарисовывал ее разведчик, так как местность с разных точек наблюдения выглядит по разному.

§ 189 немецкого устава отмечает, что донесения посылаются устно в том случае, «если передающий

является безусловно надежным человеком, не поддающимся впечатлениям боя».

Это относится и к письменным донесениям. Получая донесение начальник учитывает, кто его написал. Спокойный твердый офицер, «не поддающийся впечатлениям боя», опытный твердый урядник, или молодой, легко теряющийся в виду неприятеля казак или лейтенант.

В старину таких увлекающихся и мало храбрых разведчиков называли «видимо-невидимо».

Прискачет такой «видимо-невидимо». Пот и в мороз градом льется со лба и докладывает дрожащим голосом: «ваше благородие, там его идет **видимо-невидимо**, несветимая сила. И не сосчитать сколько и чего только нет; очинно много всякого неприятеля. Не то рота, не то батальон, не то цельная дивизия»...

Получая от связи донесение начальник вносит в него свои поправки.

— Доносит хорунжий А. Ну, чего еще там рассмотрел этот непутевый? Пишет — танки... Наверно походные кухни принял за танки. Пишет полк. Не рота-ли только?..

И пошлет ближний раз'езд для проверки.

А то получит донесение от старого вахмистра Мироныча и скажет:

— Ну, этот не промахнется, зря не напишет. Если такая сила идет на нас, нужно послать к высшему начальству, а самим изготовиться достойно встретить...

Вот так и идет наблюдение за противником, сначала чужими глазами — разведывательных сотен и их раз'ездов, потом посылкой более близких боевых раз'ездов, — и, наконец, сам начальник выедет посмотреть и оценить обстановку.

По мере сближения с противником донесения становятся чаще и подробнее. Кроме обязательных

срочных донесений приходят донесения о том, что предпринимает уже почуявший нас враг.

Если противник наступает, начальник по карте сообразит, как, где и когда он примет бой. Но он раньше времени не тревожит свой отряд. У него есть **сторожевое охранение**. Это оно то и начнет бой, заставит противника развернуться и обнаружить силы и намерения. И тогда уже по донесениям начавших бой застав начальник, выехав сам и наметив план действий, вызовет отряд для боя.

Если наступаем мы — наши заставы авангарда или головной сотни пройдут своими походными заставами сторожевое охранение, а оно вернется и станет в хвосте колонны. Оно не спало ночь, ему нужен отдых — оно его найдет в арьергарде.

Впереди отряда идет подвижное охранение. Оно снимает по мере прохождения промежуточные посты самокатной или мотоциклетной связи и, наконец, доходит до командира разведывательной сотни. Здесь начальник получает последние сведения о противнике и, став на место наблюдателя, решает, как он поведет бой.

Разведывательная сотня с ее раз'ездами. Ее донесения. Ближние, боевые раз'езды — их словесные или письменные донесения, донесения сторожевых застав, начавших бой — вот то, что даст начальнику предпосылки для решения, как вести бой..

Потом: хорошая, верная карта. Листки донесений, сверенные и проверенные, схема и панорамная схема. Телефон и полевое радио. «Свой глаз — алмаз». Биноколь. Проверенные часы. Указания старшего начальника скажут начальнику, как поведи бой с наименьшими потерями к полной победе...

В следующей беседе поговорим о службе сторожевого охранения, о том, что мы попросту называем «сторожовкой».

Старый казак

Лихая джигитовка — любимое развлечение казаков в праздничный день

Исторические очерки Дона

Часть вторая.
(Продолжение*).

XLI.

Казачья бедность и разорение службой. Император Николай Павлович на Дону в 1837 году. Провозглашение на парадном кругу Наследника престола атаманом всех казачьих войск. Смотр казачьих полков 21 октября 1837 года. Издание «Правил для состава и построения казачьих полков». Просьба Власова о помощи казачьим офицерам на свадьбе Наследника 16 апреля 1841 года. Заботы об улучшении породы донских лошадей. Устройство Войскового Провальского завода. Смерть Власова.

Как Платов и Денисов, так и Власов воспитанием и корнями молодости своей принадлежал блестящему Екатерининскому XVIII веку. Он был учеником Суворова. Вышедший из казачьих низов, он был — старшиною, — не дворянином. Он был служилый, строевой казак, не помещик. Всем сердцем своим он тяготел к казакам, глубоко понимал нужды и входил до мелочей в быт казака.

Что нашел си на Дону? Вводилось новое «положение». Еще большая, суровая, ответственная и тяжелая служба возлагалась на казака. Государь потребовал однообразия вооружения — казак вооружался за свой счет... Государь пожелал хороших лошадей под казаками. А как и кто этим займется?..

Бедность и оскудение во всем нашел на Дону Власов. Особенно тяжело было положение офицеров. Офицер получал 71 рубль жалованья в год. Цены были дешевые — хлеб стоил 3 копейки фунт, мясо 7—8 копеек. Но на эти 71 рубль в год офицер должен был содержать себя и семью, иметь лошадь и аммуницию и чисто быть одетому по форме. У офицера был земельный участок, иногда сто и более десятин, но, если у него не было крепостных и он не был помещиком, что мог он получить от этой земли? Какие доходы извлекать из нее, когда годами он отсутствовал из войска? Хорошо, если удавалось устроить землю в аренду и найти честного арендатора. А, если нет? Казак на своих 7—8 десятинах при помощи жены еще кое как, да, — именно кое как! справлялся — офицер не мог управиться.

Не мог Власов тянуть офицеров и казаков, когда он по личной жизни знал, что они ничего больше дать не могут. Он попустительствовал казакам. Со стороны казалось, что он им мирволил. Он все надеялся на лучшее, на то, что Бог поможет, что Государь не оставит и не забудет своего обещания помочь Дону.

Осенью 1837 года Государь Николай Павлович, возвращаясь с Кавказа, из Грузии, с Наследником Александром Николаевичем проезжал через войско.

Атаман Власов встретил Государя на Кавказском тракте, на рубеже Донского войска. При проезде через Аксайскую станицу Власов по просьбе Новочеркасских жителей доложил Государю о неудобствах жизни в Новочеркасске, об отсутствии воды, о постоянных ветрах и высказал намерение о переносе столицы войска в Аксайскую станицу.

— Навряд от этого будет польза, — сказал Государь. — Ведь и тут такая же гора. Только часть жителей окажется на берегу Дона, а остальные будут так же страдать от недостатка воды, а ветров тут не меньше, чем в Новочеркасске.

Власов согласился с Государем и вопрос о переносе столицы был оставлен.

19 октября Государь и юный Наследник, атаман всех казачьих войск, верхом в казачьих мундирах въезжали в Новочеркасск. У западных Триумфальных ворот были построены эскадроны лейб-гвардии Казачьего и Атаманского полков. В их сопровождении Государь проехал по Платовскому проспекту к собору, на площадь, куда на парадный «круг» были вынесены знамена и войсковые регалии. Там были донские генералы, офицеры, станичные атаманы и старики от станиц. При звоне колоколов и пушечной пальбе Государь проехал на середину круга, выслушал приветственное слово донского архиепископа Афанасия и, приложившись ко кресту, обернулся к собравшимся казакам и сказал:

— Любезные Донцы! Ваши предки и отцы сослужили много служб государям и отечеству, и признательность монархов показывают эти грамоты, эти знамена и прочие царские клейноды. Я хотел явить новый знак своего располо-

жения к вам и назначил атаманом своего первого сына, Наследника престола нашего. Надеюсь, что вы и потомки ваши не перестанете идти по пути предков ваших и заслуживать признательность отечества.

Громовое ура! потрясло воздух; загрохотали пушки, загудели соборные колокола. Власов на бархатной подушке поднес Государю жалованный Императрицей Елизаветой Петровной золотой пернач, украшенный изумрудами и рубинами и Государь вручил его Наследнику. Донские генералы подхватили Наследника на руки и под сенью знамен высоко подняли его над головами народной толпы.

Солнце сияло. Прекрасен был осенний день. Казаки восторженно приветствовали Наследника. Раздавались голоса стариков:

— Батюшка ты наш атаман войсковой!..

— Надежда наша, красное солнышко наше! Пойдем в огонь и в воду за тебя, красавец ненаглядный!

— Да хранит тебя Царь небесный для счастья нашего!

На другой день, 20 октября, Государь посетил строящийся собор, войсковое правление, госпиталь и гимназию. Окруженный гимназистами-донцами Государь сказал им:

— Учитесь, дети, усердно. Я хочу, чтобы со временем и из донцов были сенаторы, министры, главнокомандующие.

21 октября в степи, на холмах у Персияновки Государь делал смотр собранным в Новочеркасске казачьим конным полкам и батареям. На смотре было 2 дивизиона лейб-гвардии Казачьего полка, 2 дивизиона Атаманского полка, 2 дивизиона лейб-гвардии Донской конно-артиллерийской батареи, 22 полевых конных полка, наскоро собранных из бывших в войске «на льготах» офицеров и казаков и 3 донских полевых конно-артиллерийских батарей.

Было холодно. Неистовый ветер дул со степей, поднимая столбы черной пыли. За ветром сигналы и команды не были слышны. Люди полевых полков сидели на плохих, не выезженных, из под сохи взятых лошадях. Сотни не равнялись. Офицеры и урядники не знали своих мест в строю. Был слышен разговор и поправки. Казаки сидели на разнообразных седлах и были грязно и неряшливо одеты.

Государь после смотра гневно выговаривал Власову:

— Я ожидал видеть двадцать два полка казаков, а вижу каких то мужиков! Никто не имеет понятия о фронте. А лошади?! Это не казачьи лошади, а мужичьи!

На другой день Государь покинул войско.

Власов видел: прав Государь. Нужно было учить казаков. А как учить? Уставов не было. Власов принялся с начальником штаба, по памяти своих бывших командований полками составить уставы, и в следующем, 1838 году, были изданы «Правила для состава и построения казачьих полков». По этим правилам в казачьем полку было положено иметь: 1 полкового командира (полковника), 1 войскового старшину, 5 есаулов, 6 сотников, 7 хорунжих, 19 старших и 19 младших урядников, из них один старший урядник — знаменщик и младший — ассистент, 60 приказных, 1 лекарского ученика и 750 казаков. Полк делился на шесть сотен; в сотне полагалось 4 извода. Сотня строилась в две шеренги, или «лавы». Были указаны повороты сотни по три и повзводно, построение колонн; составлены указания для действия лавами; правила пешего строя; церемониального марша; отбоя и приноса знамен.

Власов понимал, что составленные им «правила» не помогут улучшению казачьих полков. Нужно изменить материальное положение офицеров. Он писал о том в министерство, прося о прибавке жалованья. Не было ответа. Глухо было военное министерство к донским казачьим нуждам. Старый атаман крепко болел душою об этом.

16 апреля 1841 года был день свадьбы Наследника Цесаревича. Атаман был приглашен на свадебные торжества в Петербург.

После свадебного обеда Государь обходил гостей. Он подошел к Донскому атаману, положил ему на плечо руку и сказал:

— Ну, слава Богу, обвенчали мы атамана нашего. Любите и атаманшу, как его любите.

— У донцов, ваше величество, — ответил Власов, — любовь к монарху и августейшей фамилии его составляет другую религию их. Семейную радость вашу они примут, как радость собственную свою. Позволь, Государь, в этот ра-

* См. №№ 17—31 «На Казачьем Посту».

достный для всей России день, попросить у тебя особую милость твоим верным донцам.

Атаман войска Донского преклонил колени перед Государем и подал заготовленное заранее прошение о прибавке жалованья казачьим офицерам.

Большой зал Зимнего дворца был полон Русскими и иностранными генералами и офицерами, министрами, чинами Двора, посольскими и придворными дамами.

Государь схватил Власова руку и с силою поднял его с колен и сердито сказал:

— Нашел, когда просить! И как просить! Ты меня стыдишь перед чужими послами!

Военный министр Чернышев наедине выговаривал Власову. Тот горячо возражал:

— Да чорт побрал бы всех иностранных послов ваших! Что мне они? Да на колени-то стал! Да перед кем я стал на колени? Ведь перед своим, перед царем! Да и зачем я стал перед ним на колени? Что я себе что-ли милость выпрашивал какую? Нет! Я просил за его же царских верных слуг, которым есть нечего!

— Государь сердится на вас, Максим Григорьевич.

— Пускай сердится. Сердце цареве в руке Божией.

Власов продолжал работы по улучшению хозяйства на Дону.

В 1844 году было издано положение о станичных конских табунах Донского войска, а для снабжения их производителями был основан Войсковой Провальский конный завод. На этом заводе было определено иметь 34 жеребца и 250 кобыл лучших русских, донских и кавказских пород. После смерти Власова, в 1851 году, были открыты первые скаковые общества на Дону — Новочеркасское и Урюпинское.

В 1847 году из Грузии на Дон была занесена холера. Она появилась в Егорлыцкой станице, перекинулась на Ольгинскую и Аксайскую и пришла в Новочеркасск. При тогдашних несовершенных способах лечения — пользовались больше водкой — знаменитой «Баклановской настойкой» — в день заболело по 200—250 человек и почти все умирали. За шесть недель холеры в Новочеркасске умерло до 5000 человек. В сентябре с наступлением ровной и прохладной погоды холера начала стихать.

Жертвою холеры стал и атаман Власов. При объезде войска он умер от холеры в 1848 году в Усть-Медведицкой станице, в чине генерала от кавалерии, 81 года.

Перед военным министерством стал вопрос, кого же назначить на пост войскового наказного атамана Войска Донского?

XLII.

Генерал-лейтенант Хомутов — первый войсковой наказный атаман — не казак. Устройство Новочеркаска. Управление регулярных войск — 1858 год. Сохранение казаками своего быта.

Войсковые наказные атаманы, избираемые военным министерством из казачьих заслуженных генералов не удовлетворили ни Русские правительственные власти, ни казаков. Военное министерство установило на Донское войско определенный взгляд, как на поселенные конные войска, дешево стоящие правительству. О казачьем народе, тем более о казачьем государстве с его сложною жизнью и многообразными нуждами не было и речи. Войско было предоставлено самому себе: справляйся, как сам знаешь. Не удовлетворили казаки-атаманы и казаков. Денисов пытался бороться за казачью самобытность, но принужден был сдать перед Чернышевым и донским дворянством. Иловайский, Андриянов, Кутейников и Власов были покорными исполнителями вельний русского правительства.

Не имея под рукою подходящего, прославленного в войнах донского казака военное министерство остановило свой выбор на генерале русском, знающем казаков и казаками любимом — генерал-лейтенанте Михаиле Григорьевиче Хомутове. Он был первым Донским атаманом не казаком.

Казаки отнеслись к этому назначению равнодушно. Были казаки, приветствовавшие его.

— Может быть, свой то, тамошний, питерский, русский еще и лучше будет, — говорили по станицам, — добьется какой ни на есть послабления в нашей не легкой положении.

С 1839 года, почти десять лет, Хомутов был начальником штаба Войска Донского. Человек умный, широко образова-

В темноте, в полночи
На икону гляну,
Верю, верю, Боже,
Люди есть у нас...
Воскресает воля
Старых Атаманов,
Заалееет снова
На Дону лампас.
И тогда героям
Возглашая славу,
Мы слезой помянем
Удалых бойцов,
Мы любовь прославим,
Вспомним месть святую,
Отомстим за горе
Дедов и отцов...

П. Поляков

ный, очень работоспособный, он вдумчиво и осторожно помогал Власову в устройстве войска. При нем, в 1847 году, началось переселение части Донских казаков на Кубань для устройства Сунженской и Лабинской линий. За время 1847—1853 годов было выселено с Дона 759 семейств казаков.

Став атаманом, Хомутов много потрудился для украшения и упорядочения жизни в Новочеркасске. При нем начали насаждение Александровского сада; устроили первые оранжереи в городе для вывода редких растений, провели водопровод; замостили улицы города. Было открыто в Новочеркасске Дворянское собрание. В Грушевском посаде под личным наблюдением атамана начались выработки каменного угля. Хомутов исхлопотал разрешение на проведение первой на Дону железной дороги — Грушевско-Аксайской линии.

Строившийся собор два раза рушился: в 1846 и в 1863 годах. Первый раз — перепилили железные подпоры главного купола; второй раз когда начали снимать леса из под сводов — своды рухнули.

Хомутов получил разрешение на созыв нового комитета для пересмотра «Положения о войске Донском».

В 1858 году в Петербурге, при военном министерстве, было создано Управление Иррегулярных войск; все дела, касающиеся казачьих войск были перенесены в столицу, в Петербург.

Время царствования Императора Николая I, обильное войнами не принесло казакам той громкой славы, какую заслужили они в Платовскую пору Наполеоновских войн. И не только потому, что не было у донцов таких «орлов», каким был Платов, но более потому, что в войнах этих казаки действовали полками и сотнями, разбросанными по отрядам русских войск. Отдельных подвигов казаки, как и встарь, совершили очень много. Неустрашимый казачий дух, казачья сметка, сообразительность, лихость, доблесть были те же, но крупных дел не поручали казакам, не действовали они, как раньше целыми корпусами и армиями, то, прикрывая армии, то открывая им дорогу к врагу. Казачья распыленная слава вливается в обще-русскую военную славу.

Во внутреннем быту в эту пору близкого соприкосновения с русским народом и войсками произошли перемены лишь на перхах казачьих, среди донского дворянства. Там начинают казаки вступать в браки с не казачками. Служа долгие годы в Петербурге, Москве и Варшаве, будучи оторванны на долго от Дона, входя в тамошнее общество офицеры находили себе подруг жизни среди обитательниц столиц и привозили их на Дон. Среди простых казаков таких браков не было. Станичный уклад требовал ранних браков, до выхода на службу в полевой полк. Брали в жены казачку, свою, известную. Иногда появлялись браки с пленными турчанками или с кавказскими горянками и кубанскими казачками, на которых казаки смотрели так же, как на родных донских.

Жизнь шла вперед. Она властно вносила поправки в старинный уклад казачьей жизни. Казаки завоевали себе положение в Российской империи и уходили из войска, оставаясь верными ему лишь духовно. Слова Императора Николая I, сказанные Новочеркасским гимназистам сбывались — из донцов появляются сенаторы, главнокомандующие, ученые обще русского положения.

П. Краснов

(Продолжение следует)

Наши братья калмыки

Калмыки под советской властью испытали все ужасы бесчеловечного режима. Продолжалась эта кошмарная жизнь 25 лет. Именно этой кошмарностью объясняется тот факт, что в калмыцкой степи почти никогда не прекращалась антисоветская борьба, большевиками называемая «бандитизмом». Этим «банд» было много. Например, «банда» калмыка Мёнкетеева Шургучи действовала вплоть до 1930 года, когда он, окруженный отрядами НКВД, потеряв всех своих бойцов в бою, вынужден был последнюю пулю пустить себе в лоб...

Эта партизанщина в калмыцкой степи, разумеется, не была выражением любви калмыков к войне, к борьбе. Это было неизбежным логическим результатом тяжелого большевистского режима. Нечем было дышать. Нельзя было жить. И люди принуждались к борьбе, каждодневно рискуя головой, жизнью.

Начало настоящей войны оживило надежду калмыков на скорое освобождение. Этим объясняется тот факт, что население с нетерпением ждало прихода к ним немецких войск, а бойцы-калмыки красной армии находили способ уйти в камыши, там скрываться, а некоторые занимались активным вредительством. Например, в 1942 году, за 6 месяцев до прихода немецких войск в калмыцкую степь, в тылу красных действовал отряд калмыка Огданова Басана, каковой отряд потом, после освобождения калмыцкой территории, явился ядром Калмыцкого Кавалерийского Корпуса, ныне действующего на восточном фронте.

Приход немецких войск дал калмыкам возможность короткое время подышать свободно. Они немцев встретили как желанных гостей, как освободителей, с глубокой верой в то, что под их покровительством найдут спокойную и мирную жизнь. С этой верой они потом ушли вслед за отходящими немецкими войсками, покинув свои родные пепелища.

За все это теперь калмыкам приходится платить дорогой ценой. За проявленное калмыками германофильство ныне советская власть обрушилась на них с «большевистской беспощадностью». Указом Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года ныне ликвидирована КАССР. Все бойцы-калмыки изъятые из красной армии, как враждебный элемент, и отправлены мелкими группами в глубокий тыл на принудительные работы, как и гражданское население. Таким образом, калмыцкий народ лишился даже призрачного бытия Родины, вычеркнутой из списка «социалистических республик».

Ныне калмыки в составе своего Кавалерийского Корпуса на восточном фронте, а также в рядах Туркестанского

Унтер-офицер калмыцкого кавалерийского корпуса

легиона и казачьих дивизий на южном и западном фронтах героически и жертвенно борются против большевиков и их союзников — англо-американских плутократов.

Из слова, сказанного по радио председателем Калмыцкого Национального Комитета

Шамбой Балиновым

В Задоньи

Не черные тучи над Салом,
Не ветер с родных Ергеней,
То гости московские валом
Шумят средь полынных степей.
Пришли. Разогнали хатоны,
Побили зайсангов в боях,
И в степи седые нойоны
Ушли на горячих конях.
Аймаки затянуты дымом,
На Край налетела гроза,

Как солью на Маныче стынут
В тревоге степные глаза.
В Задоньи змеятся пожары,
В улусах смятенье и дрожь...
Куда табуны и отары,
Мой друг, из огня уведешь?
Хлебнула Москва от избытка
Хмельного, должно быть, вина;
Пойдет по просторам кибитка
Скрипеть под напев гелюна...

Николай Келин

Мы куем кадры

1. Летний лагерь школы

Вчера я вернулся из Италии в школу казаков-малолеток, а сегодня иду со своими воспитанниками в летний лагерь. Голова моя полна впечатлениями о поездке по Италии и Германии. На свободе, в горах у озера, решил я рассказать юным казакам об изумительной красоте Венеции, о каналах, которыми изрезан весь город, о дворце Дожей, о прекраснейшей церкви св. Марка, о башнях и мостах, о нежном дуновении ветерка с просторов открытого моря...

О, величественная и нежная Вена! Сколько светлых дум зародила ты в моей голове! Словно на экране блещит она тысячами изумрудов своих дворцов, памятниками готики, барокко, дворцов с толстыми и прочными стенами, выстроенные в подражание арабской культуре, с бархатом и шелком, парками и скверами, с грандиозными монументами минувшей эпохи. Я жил в эти дни больше, чем во всю свою жизнь!... Я еду по окраине старой Вены. Прямо — шоссе на Калемберг; вправо — маленькая часовня, а рядом — домик, в котором жил и творил великий Бетховен. Сюда приезжал навестить своего друга русский композитор Чайковский. Кто не слышал их музыки, кто не видал портреты этих замечательных людей?...

Стояло теплое и солнечное июньское утро. Школа колоннами покидала город. Впереди шла кавалерия, велосипедисты, на бричках ехал пулеметный расчет восьми тяжелых пулеметов, а сзади, спускаясь под гору, двигалась при полном боевом колонна юных пехотинцев. С кавалеристами едет начальник школы, об.-лт. Минт, рядом — зондерфюрер Попов; сзади, присматривая за ходом и правилами езды, едет инструктор кавалерийской езды об.-лт. Рожков. Под уклон со смехом и свистом пронеслись велосипедисты с обервахмайстером Мудтером. С пехотинцами, которых идет два неполных эскадрона, идут старейшие атаманы. Подбадривая малолеток-казаков, улыбаясь радостной улыбкой, идет хорунжий Горб, семидесятилетний атаман Уманского отдела; рядом — немного моложе годами, с космами седых волос — атаман Шашков.

— Старый я, но еще...

— Лезгинку станцуешь?...

— О, да еще как! Лихо танцевал в молодости...

Впереди на красивом гнедом коне, любимце всей школы, едет эскадронный командир, л-т. Мукасеев... Вот он придержал коня, повернулся лицом к движущейся колонне, поджидает... Когда мы совсем близко подошли, л-т спрыгнул с Макса (кличка его коня) и пустил его по пасти, подвязав поводья.

— Привал!... — командует л-т.

По обе стороны дороги расположились юные казаки.

— Устали? — обращаясь к казакам, спрашивает эскадронный.

— Устали...

— Нет...

— Сто километров пройдем... — раздаются возгласы со всех сторон.

— Господин л-т, а есть ли там в озере рыба?

— Есть, есть..., усаживаясь на зеленую траву, у куста дикого мака, отвечает эскадронный.

— А раки?

— И раки есть и сома большого в озере видел, и крокодил плавает...

Макс — лучший конь в табуне у юн. казаков. Веселый, с высоко поднятой головой, он словно сторож ходит впереди, наблюдая за всеми лошадьми... Все казачата любят Макса. Он охотно подходит к казачатам, надеясь получить от них ломоть-два вкусного печеного хлеба.

— Макс... Макс..., — поднимаясь с земли и протягивая руки вперед, зовет коня л-т. Не поднимая головы, Макс фыркнул и, сделав полуоборот, подошел к лейтенанту.

Метрах в пяти от меня двенадцатилетние казачата слушают рассказ об ученых конях.

— В Бурбон цыгане приехали..., — говорит одиннадцатилетний казачок, только что прибывший из дома отдыха, — какие номера кони делают... Танцуют под музыку.

— А чем они их кормят?

— Как чем? Конечно, хлебом, овес кушают, ну, и сено...

— А солому им дают?

— Что ты, с ума сошел... Таким благородным и соломой...

По другую сторону дороги малолетки увидели на дереве белку.

— Белка!

— А-лю-лю... Белка...!

— Стреляй ее! Защелкали затворами.

— Стой, не стрелять! Кто разрешил? — поворачиваясь на шум, прикрикнул л-т. Белка убежала. Шум стих. Я перехожу дорогу и ложусь в самую гущу юн. казаков.

— Если бы не л-т...

— А что, ведь, все-равно в глаз не попал бы...

— Нет, попал бы...

— Брось хвастаться... Забрехался...

— Мне отец говорил, что белки кусаются... А вот, попробуй, засни, она своими остренькими зубками так голенища кругом и обрежет. Любят кожу...

Снова движемся вперед. Короче становится наш путь, жарче пригревает солнце, доносится нежный запах роз. Жара. Ветер совсем притихает. Кавалеристы перешли на рысь и скрылись из вида. Мы прошли несколько сот метров вперед, поднялись на косогор и остановились. Сзади равнина, впереди широкая с конусообразным дном балка; узкая лента дороги со дна балки поднималась в гору, опоясывая ее и теряясь в холмистой местности... Впереди, поднимаясь в гору, показались велосипедисты; сзади растянулась кавалерия.

Когда выехали на гору, обер-лейтенант Минт повернулся на вороной кобылице, взмахнул плетью, подавая команду, и перешел на рысь... Впереди шла равнина. Мы поднялись и остановились на том месте, где я заметил начальника школы. Кавалерия снова спускалась в лоцину, следом за ними, не отставая, ехали велосипедисты, человек 40.

Еще один, пятиминутный привал, и мы снова идем в путь. Не проходит и десяти минут, как перед нашим взором открываются невысокие горы, поросшие густым лесом, а у подножия — широкое светлоголубое озеро. Лес местами так близко подходил к озеру, что тень этих деревьев отражалась в воде. С шумом спадал горный ручей, увлекая за собою мелкие камешки. Дорога пошла под гору; мы поднимаемся на высокий мост, переходим его и идем вдоль озера к месту постройки лагеря. С южной стороны озера (в том месте, где горный поток разъединяет лес, образуя равнину) располагается 1-й эскадрон; с северной стороны натягивает палатки второй эскадрон;

рядом — велосипедисты и кавалерия. Северный участок лагеря более мне понравился, и я воспользовался предложением командира 1-го эскадрона, поместившись с ним в палатке. Как ни были последующие дни дождливые, а в наших палатках было светлее, чем в палатках с южной стороны расположенных под густыми ветвями старых дубов и натянутых выходом на север.

Солнце клонится к западу. Светло-голубое небо заволакивают густые облака, движущиеся с океана. Тянет све-

Нашего полку прибыло

Из одного беженского лагеря в школу прибыло пополнение

жим воздухом. Постройка лагеря окончена. Пронесется сильный ураган, скрипят деревья, падают редкие капли теплого дождя. По приказанию начальника школы выстраивается весь дивизион. Звучно и крепко раздаются слова команды; эскадронные докладывают начальнику школы. На середину выходит оберл-т. Минт. Сквозь стекла очков смотрит он на стройные ряды малолеток... Молчание... Бог знает, какие мысли пронеслись в его голове в это время. Может быть, он вспомнил то время, когда он принимал этих малолеток, оборванных и грязных, голодных и истощенных. И вот смотрит на них сейчас и не знает, как лучше выразить свою радость им, будущему костяку казачьей армии, не знающей предела героическим поступкам, святой славой и победой... С луга доносится сильное ржание. Это Макс. Молчание прервано. Сделав шаг вперед, обл-т. Минт заговорил:

— Мои любимые юные казаки! Я прошу вас и приказываю выполнять все мои указания и распоряжения. Все знаете, что сейчас мы находимся на военном положении. Не может каждый поступать, как ему хочется. Если будете в деревне, то не посмейте что-либо у французов взять. Не только сам себя ведите хорошо, но смотри за товарищем. Один кто-либо из вас проштрафится, а пятно ляжет на всю школу. Приучить себя к условиям войны, закалить свое тело — вот наша цель. Резвитесь, отдыхайте. Будет тепло, можно будет купаться. Только с оружием будьте осторожны. Каждый выстрел — тревога всей школы. Кто первый услышит выстрел, тот должен немедленно доложить своему командиру...

После некоторого молчания начальник школы продолжал:

— Подъем в 6 часов, молитва в 21 час 45 минут, отбой в 22 часа. Конные патрули ездят, — обл-т. повернулся и провел рукою, где именно они должны ездить. — Без пароля ночью никого не пропускать. Пароль ежедневно выдает атаман Горб. — Колышет ветер верхушки дерев. Плавню плывут облака, местами так низко опускаясь, что вот-вот, кажется, зацепятся за верхушки высоких деревьев леса. Меркнут лучи в синеве неба. Облака сплошной массой заволакивают небо. Юные казаки расходятся. Из города пришла машина с продуктами, шофер привез письма и газеты. Оберлейтенанту подали пакет...

— Ахтунг! Громко раздается команда эскадронного командира обл-л. Божинского, — начальник школы желает передать вам последние сообщения. Снова заговорил начальник школы:

— Германская береговая артиллерия вчера приступила к обстрелу южного побережья Англии снарядами нового типа. Все побережье Англии горит. Это то долгожданное возмездие, о котором говорил вождь за мирные города, села, детей и женщин.

Трубоч протрубил отбой. Шум в лагере стихает. Накапливает мелкий дождь; засынаешь... Только изредка ржет Макс, нарушая спокойствие ночи. Одни часовые не спят в лагере. Всматриваясь в темноту, обходят они намеченный путь. Мрак ночи окутывает лагерь...

(Продолжение следует)

В. Никонов

Андрон Пылаев

Рассказ

Жаркий июльский день. Душно. Время медленно ползет, как черепаха по песку. В воздухе разлиты лень и истома. Тихо. Не шелухнет. Наконец-то после непрерывных дождей наступили жаркие дни. Не хочется ни думать, ни двигать рукой, ни ногой.

Мы лежим с казаком Андроном Пылаевым на берегу Горыни под вербой. Выше, против течения, — железнодорожный мост. Там минные поля, на подходах немецкие солдаты, пулеметы, минометы, и день и ночь, готовы к бою.

Андрон мой станичник. Земляк. Один из тех осколков славной семьи уральских казаков, что рассеяны по всему свету. Недавно совершенно случайно, мне попался журнал «Знамя» № 10 за 1940 г., где в статье «Фрунзе», продавшийся большевикам, офицер старой русской армии Новицкий пишет об уральцах: ... «К тому же наш враг был весьма инициативным, подвижным и, как подтвердил весь дальнейший ход продолжительной борьбы с ним, самым упорным и непримиримым из всех наших врагов».

Оценка врага — самая высокая оценка.

Внизу быстрая Горынь пропадает среди отмелей, ярков и придвинувшейся к берегам стены леса. Мы соскучились по рыбе, мясо надоело, и охоту на рыбу решили совместить с прогулкой и купаньем.

Неподалеку, за ближайшими кустами, слышны выстрелы. Два моих казака стреляют щук. Через несколько минут, из-за кустов, появляется донец Зыков и торжествующе поднимает двух больших щук. Их бока и спины иссечены пулями.

— Видали нашу добычу? Во!.. Одну Васька и другую — я...

Зыков делает кукан из талов, опускает щук в воду, а кукан привязывает к вбитому колышку.

— Вы смотрите там — ходить ходите, а по сторонам смотрите, а то здесь и кусты стреляют... — говорю я Зыкову.

— Будьте покойны, господин есаул, все наготове: винтовки, гранаты.

Пристроив шук, Зыков уходит за кусты. Опять слышны их выстрелы.

Мой земляк курит. Около нас лежат наготове винтовки, гранаты. Андрон рассказывает свою жизнь. Она достойна всяческого внимания. Я только иногда вставляю вопросы, чтобы выяснить некоторые подробности.

Каждое казачье войско имело свои характерные станицы. Такой станицей в Уральском казачьем войске была станица Круглозерновская, а по просту — Свистун. В 12 км. от Уральска. Свистунские казаки славились на все войско сноровкой, удалством и особым упорством, когда дело касалось нарушения дедовских обычаев в рыболовстве, в хозяйственном укладе и особенно в религии, со стороны властей придерживающих. В этом упорстве было что-от атаквистическое, идущее от древней Руси, от протопопа Аввакума. Если свистунцы говорили: «не желаем», — то их трудно было сдвинуть с места. Духие гуляки, пельсьники и большие хозяева, домовитые люди.

Когда то на зимнее подледное рыболовство-багренье, — куда съезжалось все войско, приехал наказной атаман. Атаман был из новых и не знал еще казачьих обычаев. То-ли ему власть захотелось проявить, или им руководили еще какие мотивы, но вдруг атаман приказывает багрить там, где казаки никогда и не багрили. Это уже пахло нарушением исконных, казачьих обычаев. Казаки отказались. Атаман топает ногой и приказывает багрить в новом месте: «Захочу — на песке будете багрить». Вот тут-то и началось. Загалдело, зашумело войско, придвинулось ближе к атаману. Замелькали багры и пешни. Впереди всех были свистунские казаки. Атаман видит: дело плохо. Упал в сани и кричит: «Бунт. Восстание. Гони. Гони, чот есть дужу!.. И ускакал в город.

Я жил на Свистуне, но нас разделяли неписанные законы в станице. Андрон жил на конце — в Сластинах, я — на середине. Сластинские не ходили к нам, мы — к ним, потому что по воскресеньям дрались, «стена на стену». Ходить было небезопасно, — могли намять бока.

Мы вспоминаем с Андроном как ходили в школу, разоряли грачьи гнезда, ловили на Урале жерехов, сазанов, судаков. Воспоминания, как аромат родных полей, приятно кружат голову. Они сладостны, как первые чистые впечатления детства. Мы — старые уральцы — понимаем друг друга с полуслова. Нам приятно уйти в прошлое. Оно встает перед нами, как сказка волшебника Андерсона, как легкий предутренний сон. Мы уходили в прошлое, мы прикладываемся к этому живительному источнику, как усталый путник в пустыне припадает к прохладному ручейку. Образы прошлого теснятся в голове. Они напиратьют, просятся наружу. Мы перебиваем друг друга, не замечая этого.

— Помнишь Андрон, как казаки сенокос делили — степной, луговой!... А помнишь, как на масленицу гуляли!... На лучших рысаках по улицам катались!... А помнишь нашу Уральскую:

На краю Руси обширной,
Вдоль уральских берегов
Проживает тихо, мирно
Войско кровных казаков.

Мы поем с ним одну из наших популярных казачьих песен.

Бывало в прощенное воскресенье, под Великий пост, перед тем как лечь спать, подходишь к отцу, матери, кланяешься в ноги: «Папаша, мамаша, прости Христа ради...». «Бог простит...» — говорят родители и тогда ложишься спать... В последний день масленицы, вечером, все скоромное относили беднякам. Стук — стук в окошечко: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас...» «Аминь...» «Выйдите, возьмите тут, что Бог послал...» И уходили, чтобы никто не видал, кто привозил милостыню...

Андрон рассказывает о своей жизни. В гражданскую войну был в знаменитом I-м учебном конном полку полковника Курина.

— Стой Андрон! — перебиваю я его — а в Лбищенском рейде ты участвовал?

— А как-же. Мы со стороны ветрянок шли, немного левее... Ихнего комиссара Батурина в бане под полком нашли, старушка казачка указала... Тут же его и стукнули. Крепкий, стерва, был, — здорово сопротивлялся...

Андрон рассказывает и курит. Синий дымок цыгарки медленно расходитсЯ в ветвях ивы. Передо мной, как в занимательной кинокартине, разворачивается жизнь казака...

В 1919 году в Гурьевском лазарете болел сыпным тифом... Отступление через солончаки до форта Александровска на Каспийском море... С Астрахани проходят миноносцы Федора Раскольниковова... В ночь атаман Толстов отбирает самых преданных казаков и уходит на Персию. Переход через Кара-Кумы зимой 1920 года... Бой с киргизами, туркменами у железной дороги, близ персидской границы — с большевиками... Питались мерзлой кониной и верблюжатинной... Дальше — Персия, Индийский океан, Китай, далекая Австралия... Андрон рассказывает просто, без прикрас, как обычно рассказывает о своей жизни простой русский человек. В Австралии атаман Толстов устроил уральцев на землю. Казалось бы — живи, работай после всего пережитого. Но далекий образ Родины не давал покоя. Воспоминания детства, река Яик, манили к себе... Тоска по родине... И чего только мне не доставало... Шляпу, костюм хороший завел. Изба, кусок хлеба — все есть, а ночью лежишь покою нет — все думаешь: а ведь наши теперь сенокос делят, хлеб убирают — зима придет, — рыбу на Яике ловят... И нет тебе ни сна, ни покою. Терпел, терпел не выдержал, решил ехать. Пошел в местную полицию за разрешением, два часа уговаривали: «Не езжай казак, пропадешь... Посадят в ГПУ, не дадут жить...» Казаки ни в какую — тоже не пускают; «Чего тебе, Андрон, не хватает. Хочешь англичанку, французенку, русскую бабу найдем...» Куда там. Засел гвоздь в голове... «Поеду, да и только... и поехал...» Приехал в 1927 году. Длинный морской путь.

В Новороссийске казак сразу ознакомился с казематами самого найдемократичнейшего в мире государства. И тут впервые вырвалось от души: «Вот черти принесли. Не хотел жить по человечески в Австралии, так попал к черту в лапы.»

Приехал казак на Яик. Везде страшные следы гражданской войны. Печные трубы, кирпичи, глина... Казаки разогнаны, разбрелись по всему свету. В казачьих домах — киргизы. Новые хозяева. Держат себя вызывающе. Грунт, опора Советской власти. Стало больно и обидно казаку. Вчерашний каракузька, который недавно льстиво просил корку хлеба и кислого молока, пас казачьих овец, теперь хозяин над казакком. Национальная политика... Ну делать нечего — надо жить. Осел на хутор в своей Кругло-Озерновской станице, только было начал заводить хозяйство. Работал до надрыва, а тут подкатил 1929-й год, — «ликвидация кулачества, как класса...» И загредел наш казак на север. На Беломорканале «воздвигал пирамиды» для прославления фараона 20-го столетия Джугашвили, — «отца народов», чей иронический титул стал нарицательным во всем свете. Не выдержал казак жгучих лучей сталинской конституции, — бежал... Купил за 150 рублей подложные документы в Москве и с тех пор каждый стук в дверь принимал за очередной визит НКВД.

Тут подкатила война... Мобилизация... На фронте Андрон сочно плюнул в сторону Кремля, выругался, погрозил кулаком на Восток и под Харьковом перешел к немцам «от счастливой и радостной жизни».

Дальше — Шепетовка... формирование казачьих частей и вот теперь мы с Андроном лежим на животе и смотрим на Горынь, на лес, на мост...

— Ничего, Николай Иванович, мы казаки. Выдержим... Своё возьмем... Искупаться, что-ль?... Давай искупаемся...

— Нельзя — двоим неудобно... Я после — купайся...

— И то верно — не у тещи в гостях...

Простой казак, тем не менее, он никогда не переходит границы, отделяющей по службе, казака от офицера. Наедине он мне говорит, как станичнику, «Николай Иванович», на службе — называет «г-н Есаул». В нем внутренний такт, свойственный старым казакам. Соблюдает старые казачьи праздники, ему не надо говорить об этом, наоборот он сам говорит молодым казакам: «А у нас раньше вот так-то было...» Его всегда слушают внимательно.

Мы никак с ним не относимся к категории молодых людей. Немцы говорят: «Деньги потерять — ничего не потерять; здоровье потерять — многое потерять; бодрость потерять — все потерять». — Достоин удивления, что на ссылке Андрон не потерял здоровья. (На ссылке следил за собой: прикупал хлеба, что мог... следил за обувью, за ногами) Бодрости у него хватит повидимому до конца жизни. В нем много устойчивого крестьянского оптимизма от Платона Каратаева. К жизни у него весело-ироническое отношение, шутя даже в тяжелых случаях жизни. Настоящий уралец-Горыныч.

Я смотрю на его, среднего роста, крепко сбитую фигуру. Его мышцы рук, волосатой груди таят в себе еще неисчерпаемую силу сопротивляемости. На округлом, с поднятыми скулами рябоватом лице — задорные, с хитринкой, глаза. Быстро схватывает обстановку и людей.

Андрон хлопает себя по груди, ляшкам. «Ну как, Николай Иванович, нырнуть? «Чанком» что-ль. По нашему, по уральски...»

— Вали «чанком»... — Чанком значит свечой, не сгибая корпуса, тесно прижав руки к бедрам.

Разбегается... Упругим, сильным движением отделяется от берега и летит под кручу, подняв снопы брызг. Потом ныряет головой «ласточкой». Вынырнув оглашает реку торжествующими криками.

Выкупавшись, зовем казаков. Они приносят еще двух подстреленных язев и щуку. Есть рыба на хорошую уху.

Мы идем в казарму.

Антоновка — небольшое местечко при станции. Население — исключительно польское. В окрестностях имеются украинские села. Между украинцами и поляками идет жестокая резня. Не война, а именно резня. Недавно на польские колонии, неподалеку от Антоновки, «бульбовцы» ночью сделали нападение. Поляки кинулись в Антоновку. Запылали хаты. Ночь. Стрельба. Лавина беглецов наполнила шумом и душераздирающими криками лес, прилегающий к Антоновке.

Подняли алярм. Не разберешь: где поляки, где «бульбовцы». Казаки, занявшие баррикады, открыли стрельбу. Несколько поляков поранили.

Взвильсь ракеты. При свете их несколько разобрались в обстановке. Люди ехали, бежали в чем застало их нападение. В эту ночь никто не заснул. На другой день маленькое местечко наполнилось беглецами.

Вокруг Антоновки тянется дубовый лес. По окраине идут баррикады из дубовых бревен на три четверти человеческого роста. Баррикада никак не может спасти нас от энергичной и многочисленной партизанской части. Она скорее существует для психологического воздействия. Тем более в одном месте, у бывшей Гмины (сельское управление), густой лес подходит вплотную к баррикаде. Мы, как древние спартанцы, надеемся больше не на стены города, а на собственное мужество. «Бульбовцы» не страшны, а

вот если советские партизаны, то это более серьезный народ.

Наша сотня стоит в бывшей польской школе. Казаки тянут на всякие надобности польские книги, журналы, ученические работы. В кабинете физики и химии помещается склад. В моей комнате на стене литография картины польского художника Коссака «Въезд Яна Собесского в Вень». «Бой Яна Собесского с турками под Веньем». Быт и типы польских крестьян. Историческое прошлое польского народа.

Летним вечером, когда длинные тени ложатся на пыльные дороги, на крыльце школы собираются казаки. Андрон Пылаев играет на балалайке и поет. Он подмаргивает казакам, выразительно поводит глазами.

Мы не воры, мы не воры — не разбойнички,
Мы уральские казаки рыболовчики.
Как мы рыбушку ловили по сухим берегам...
По сухим берегам, — по амбарам, по клетям...
У дедушки у Петра мы поймали осетра,
Наловили много щук из которых шубы шьют.
Заарканили белуженок — подвязаны хвосты...

Казаки слушают и смеются. Оркестр, состоящий из мандолины, скрипки, двух гитар, играет плясовую. Двоец Садчиков выбивает чечотку. Чечотка его похожа на сплошные пулеметные очереди, ноги его обутые в башмаки с деревянной подошвой работают с невероятной быстротой. Крыльцо, как огромный резонатор, усиливает звуки и разносит их на все местечко.

В это время на велосипеде проезжает казак. Андрон бросает к нему: «Стоп, Бодовсков, дай покататься.» «Да ты не умеешь...» «Не умею — научусь... А ты сразу поехал?...» Уже несколько дней Андрон учится ездить на велосипеде. Сколько раз падал, зашиб коленную чашечку, разорвал брюки, но все же решил выучиться: «Какой-же я казак... На коне ездю, а на велосипеде не сумею!»... Упорство его поистине беспредельно.

Андрон садится и с маху въезжает в сточную канаву, заросшую густой крапивой.

Крыльцо грохочет от взрыва хохота. «Помочь, или сам вылезешь? — кричат казаки. Но это не смущает Андрона, он садится и продолжает свои упражнения. Через несколько дней я вижу его уверенно разъезжающим по местечку.

— Ну, что не прав я? И велосипед от меня не ушел... — В его лице гордость Наполеона, только что одержавшего генеральное сражение.

Он тщательно бреется и закручивает усы «на сто двадцать».

Мальбук в поход собрался. Куда-ж ты, красавец мужчина?

— Да, как же, господин есаул, надо же сходить... Тут... Нынче обещали «перваком» угостить...

— Ты у меня завтра бельгийский пулемет почистишь.

— Яволь! Будет сделано, г-н есаул...

В десятом часу вечера доносят: «Пылаев напился пьяный, побил у Зоськи посуду и ее хотел отлупить, но не дали».

Беру трех казаков с винтовками и иду на квартиру к Зоське. На столе разгром: разлитый самогон, побитая посуда, опрокинутые с едой тарелки. Зоська — хозяйка бросается ко мне: «Шане есаул, возьмите Андрона пожалуйста. Я пошла танцевать с другим, а он разозлился, как хватит по столу, — посуду разбил, на меня бросился еле казаки удержали».

Андрон на кровати, между трех казаков шумит: «Я ей покажу, как нашим и вашим... Я ей шубу выверну»... — Трое казаков компаньонов удерживают его.

— Э-э ты мастер с бабами воевать, может помощь прислать, — один не управиться?

— Господин есаул, разве не обидно!.. Я...
— Забрать его... — Казаки отводят Андрона в «выправилку».

На утро Андрон уже чистит пулемет. Он любит возиться с оружием и знает его. Левый глаз прищурен, — дым от цыгарки, в левом углу рта, ест ему глаз.

— Очухался, Аника воин?

— Прошло все.

— Чего же это ты дебош устроил? Зоську чуть не избил.

— А черт его знает, что оно там случилось! Знаешь как киргизы у нас говорят: «Шайтан виноват». Ну и самогон же чертячий был... Не знаю — как они его гнали... Настоящий спирт...

После обеда едем на село. Беру два пулемета. Надо достать коням овса, накосить по дороге травы. С нами едет полицеймайстер и с ним три немца. У немцев автоматы

Нас казаков — 20 человек. Четыре подводы. Высылаю вперед головной и боковой дозоры. Подводы растягиваются на 40—50 метров одна от другой. Впереди на лошадях маячат дозоры. «Прочесывают» по бокам лес, кустарники. Казаки сидят на подводах, винтовки — между ног — наготове. Малейший выстрел — прыгай в сторону от дороги, занимай позицию. Подводы идут с определенными интервалами, чтобы огонь не мог всех накрыть сразу.

Здесь в лесах надо уметь воевать. Никогда не верь тишине и лесному покою. Тишина и покой могут быть внезапно нарушены треском пулеметов автоматов, взрывом гранат и криками ура. Предельная охрана и бдительность — вот основные принципы «лесной войны». Здесь всегда надо быть на чеку. Печальные факты жестокой действительности учат этому.

А. Яганов.

(Окончание в следующем номере.)

Культурно-просветительный взвод

Первая казачья Дивизия сформирована главным образом из добровольцев-казаков, немедленно по освобождении немецкими войсками казачьих земель, вступивших в ряды казачьих отрядов для борьбы с большевизмом у себя на Родине.

Также в ней есть и некоторое количество казаков попавших в дивизию из лагерей военнопленных. Все эти отряды и отрядики, храбро и честно выполняли свой долг и своим безукоризненным поведением доказали, что они заслуживают полного доверия германского командования и являются самым лучшим и верным его союзником. Из них и была сформирована наша 1-ая казачья дивизия.

Для того что бы дать нужную идеологическую установку стихийному движению казачества, для того что бы сделать казакам понятным смысл совершившегося и того что еще имеет совершиться, что бы ознакомить казачество с жизнью и идеями Европы, был создан наш культурно-просветительный взвод.

Культурно-просветительный взвод 1-й Казачьей Дивизии с самого начала своей деятельности сумел обеспечить себя всем нужным материальным и техническим оборудованием, необходимым для проведения принятой им на себя сложной и ответственной задачи.

Организаторы работы нашего взвода твердо помнили, что никакое, самое лучшее техническое оборудование и персонал не смогут ничего сделать и останутся мертвыми без соответственного кадра опытных, идейных, верящих в успех нашей борьбы — культурно-просветительных офицеров.

Такие люди были своевременно привлечены к работе, которая с каждым днем разворачивается все шире и успешнее и все глубже захватывает казачью массу, давая полное удовлетворение всем ее политическим, культурным и просветительным запросам.

Свою работу К-П Взвод развернул следующим образом: являясь лишь ядром и мозгом производимой работы в нашей дивизии, взвод выбрал и организовал сеть способных и достойных культурно-просветительных офицеров во-всех полках и даже дивизионах. На этих то К-П офицерах и лежит задача служить проводником в казачью массу идей и директив выходящих из центра — К-П Взвода.

Свою цель К-П Взвод видит не только в воспитании казачьей массы, нет его задачи значительно шире. К-П Взвод служит не только казакам своей дивизии, но и всему обще-казачьему делу!

Наш К-П Взвод в своей работе разделен на отделы, самостоятельно занимающиеся поставленными им заданиями

ми. Работа этих отделов контролируется, направляется и регулируется самим командиром К-П Взвода. Эти отделы следующие: Редакция, издающая газету «Казачий Клич», казачий офицерский бюлетень, Духовный листок, каждый второй день военная сводка с комментариями «Казачий Листок», газета «Козакен Руф» для немецкого персонала и практические руководства для изучения русского и немецкого языков, составленные в виде полезных по своему содержанию и интересных писем. Из перечисленного списка наших периодических изданий видно направление работы редакционного отдела и стремление его держать казаков и казачьих офицеров в курсе всех военных, политических и культурных проблем настоящего момента. С уверенностью мы можем сказать, что это нам удастся в полной мере.

Кроме того нашим взводом изданы на русском и немецком языках «Тарас Бульба» Гоголя и «Казаки» Л. Толстого. Изданием и распространением этих книг, в особенности на немецком языке, мы преследовали цель, ознакомить в легкой и литературной форме наш немецкий персонал с историей казачества и с особенностями его характера, чем в сильной мере помочь взаимному пониманию!

С этой же целью, наш К-П взвод собирается и дальше продолжить свою работу в том же направлении и приступить к ряду дальнейших изданий.

Однако, нельзя забывать, что живое слово является всегда, гораздо более сильным оружием чем печатное. Вот для того чтобы использовать это могучее оружие в борьбе с нашим врагом и для дополнения культурно-просветительной работы редакционного отдела в нашем К-П Взводе сформирован один из самых главных отделов: Отдел Активной Пропаганды.

В отдел активной пропаганды входят все К-П офицеры нашей дивизии, как работающие в самом взводе, так и по местам в полках, дивизионах и батареях.

Задачи поставленные Взводом своим К-П офицерам чрезвычайно широки и ответственны: они должны не только держать казаков в курсе всех совершающихся мировых событий, но они так же должны постоянно влиять и воспитывать казаков в твердой вере в правоту нашего дела, в уверенности в его окончательном успехе и вливать в казаков настоящий старый казачий дух и традиции, которые в свое время дали их предкам вписать в свою казачью историю такие блестящие и ни с чем не сравнимые страницы, как войны Богдана Хмельницкого, Азовское сидение, переход через Альпы, Отечественная

война 1812 года, Лейпциг, Фер-Шампенуаз, взятие Парижа и участие в покорении Кавказа.

Во всех этих войнах, походах и победах, казачество показало силу своего духа ни с чем не сравнимую любовь к своей Родине и народу и честное и непоколебимое исполнение своего воинского долга.

Вот эти старые традиции и должны привить молодым, выросшим в страшных условиях советского ада, казакам, наши К-П офицеры.

Но кроме всего этого, К-П офицеры должны держать тесную связь с немецким НСФО офицерами, являющимися для немецкого персонала там же К-П офицерами. К-П офицеры должны обмениваться со своими немецкими коллегами материалами для исторических лекций и докладов для того, чтобы одновременно и с двух сторон велась планомерная работа по взаимному ознакомлению и сближению казачьей массы и немецкого персонала. Нами уже давно установлено, что все случающиеся между казаками и немецким персоналом недоразумения, являются почти всегда результатом всего лишь взаимного непонимания, а отнюдь не злой воли!

Кроме того, НСФО офицеры помогут нашим К-П офицерам, ознакомить казаков с сущностью национал-социализма, с немецкой историей и историей русско-немецких отношений.

Эта работа уже начата и ее правильное проведение в жизнь будет контролироваться со стороны нашего взвода, а в нужных случаях оказываться помощь.

Из указанной вкратце программы работы наших К-П офицеров на местах, можно увидеть, что мы ставим нашим К-П офицерам очень большие и серьезные требования, налагающие на них большую работу, требующую от них серьезных знаний, такта и значительного образования.

Каждый наш К-П офицер, это помощник командира части, при которой он состоит в той области жизни, которая не касается непосредственно службы. К-П офицер живет одной жизнью со своими казаками, ходит с ними в походы и бои, знает каждого казака, его интересы, радости и печали и служит посредником между казаками и их командиром. На его же обязанности лежит следить за своевременным сглаживанием возникающих иногда недоразумений на почве взаимного непонимания.

Затем, К-П взвод имеет отдел активной пропаганды для местного населения и неприятеля. Своей работой этот отдел способствует установлению дружеских отношений между местным населением и чинами дивизии, а работая над разложением врага и понижением его военного духа, облегчает нашим казакам их вооруженную борьбу, что ведет к понижению кровавых потерь столь нам дорогих казаков.

Для более успешного проведения этой работы, к ней часто привлекаются представители местного населения, а также перебежчики с вражеской стороны, которые иногда могут принести значительную пользу.

Кроме того, на обязанности нашего взвода лежит ознакомление всего мира с героической борьбой, ведущейся нашей дивизией на Балканах, с ее жизнью, нравами и обычаями.

В сводках Верховного Командования уже была отмечена успешная боевая деятельность нашей 1-ой Казачьей дивизии. Снятый в дивизии казачий фильм «Казачья Песня» дает возможность самым широким массам ознакомиться с ее жизнью, бытом и прекрасными песнями.

Наши взводные фото-репортеры, снабжают агенции всего мира прекрасными фото из боевой и мирной жизни нашей

На Балканах, в одном боснийском сепе, наши служивые с любопытством наблюдают за искусным плетеньем ковра. Любезные хозяйки предложили гостям чашки ароматного кофе-мокка

дивизии. Наши взводные К-П берихтеры дают прекрасный и обильный материал для газет всего света, о жизни и работе дивизии.

Мы уже с гордостью можем сказать, что нет во всей Европе такого уголка, где бы люди с удивлением и уважением не узнали о нашей 1-ой Казачьей дивизии.

Наш отдел культурного обеспечения, заботится о снабжении казаков всем, что может им принести радость и развлечение в их тяжелой трудной боевой жизни. Беспременно приглашаются театральные труппы, устраиваются концерты, организованы хоры и струнные оркестры из самих казаков, с успехом состязаются друг с другом. Казаки снабжаются музыкальными инструментами, гитарами, балалайками, гармониками и т. д. Для казаков куплено несколько тысяч русских книг для легкого чтения, эти книги распределены по дивизионным библиотекам. Все газеты и журналы, выходящие на русском языке, какие мы только можем получить, рассылаются казакам.

В дивизию уже приглашен, заботой начальника дивизии ген. фон. Панвиц, ряд русских православных священников, число которых должно быть доведено до 1 на каждый дивизион. Трогательно видеть, с какой радостью казаки возвращаются к вере своих предков, к Святой Православной Вере. Глядя на молодых казаков, выросших в безбожном СССР, а теперь с подъемом молящихся на совершаемом богослужении или поющих молитву на утренней или вечерней поверке, становится ясно, что большевизм проиграл свою ставку!

Кроме всего мною перечисленного на очереди стоит организация ежедневных радио-передач через Загребскую радио-станцию сводок Верховного командования, сопровождаемых кратким комментарием и небольшим музыкальным отделением.

Из сказанного здесь мною видно, что целью работы нашего К-П взвода, является поднятие культурного и духовного уровня наших казаков, установление атмосферы дружбы и взаимного понимания между казаками и немецким персоналом, обеспечение казакам максимума жизненных удобств и развлечений, доступных в нашей боевой обстановке, а также ознакомление всего культурного мира с той деятельностью нашей дивизии, которая справедливо создает ей на Балканах славу главного оплота против большевизма.

Б. Ганусовский.

(Из доклада, читанного автором на курсах казаков-пропагандистов 7 июля с. г.)

Первый Синегорский

Донец, делая крутой поворот, упирается о правый берег в отлогое подножье Синеи горы. Ее отдельные выступы висели, точно высунувшиеся языки, бросая сплошную, косую тень по мелкой серебристой зыби Донца; тут же, неподалеку от скалы, темнели сплошными зелеными, бугроватыми коврами сады, откуда в тихие летние вечера доносились одинокие трели соловья или протяжная, заунывная песнь молодой казачки. От Синеи скалы начинается утопающий в зелени садов, хутор, вытянувшийся по косогору вверх по Донцу.

Деда рассказывают, что в старину, по этим местам росли дикие дремучие леса, где водилось множество дикого зверя и птицы. Казаки наезжали с нижних станиц на охоту, останавливались у Донца на месяц, на два, возвращаясь с богатой добычей. Эти места, обильные диким зверем и рыбой привлекли казаков, начавших выезжать к Синеи горе, на летний период, предварительно построив несколько куреней у отлогих берегов Донца. Так кочевали казаки ежегодно, незаметно основав хутор и назвали его Кочеваном, а позднее, по Синеи горе, хутором Синегорским.

Вольно, роскошно жили казаки в хуторе. Они несколько раз, в революцию, отражали сильные натиски красных, но после сдались огромной их силе и с камнем на сердце сурово смотрели на родные курени, которые падали от топоров 25-тысячников, признавших их «кулаками». Многих выслали, многих расстреляли в страшный 1937 год, когда днем подряд забирало казаков НКВД. Казачки, обливаясь слезами, посылали проклятия палачам народа. С великой радостью встретили казаки немецкие войска. Они легко вздохнули от жидовского засилия и принялись за свой обычный честный труд.

Мало осталось в живых казаков: многие пропали без вести на войне, один по одному сходились домой молодые казаки, сумевшие уйти в живых от красных.

★

Летний зной доходил до предела. Петр шел по знакомой степной дороге, часто поглядывая на небо, где не было ни одного облачка и подумал: «Ничего, дойду, осталось два-три километра».

Он не был в родном курене почти три года и теперь с нетерпением ему хотелось взглянуть на хутор, на родных, знакомых... Сейчас он еще сильнее любил всем сердцем свою любимую сторону, старый тихий Донец, поля, где весной, разноцветным ковром устилалось поле лазоревыми цветами, красными головками маки и желто-белые полосы колыхались точно морские волны — ромашки.

Сейчас ему каждый камень, каждый знакомый кустик был родным как мать. Из-за кургана показался темный конец трубы шахты № 8. Он взглянул на нее, смуглое запыленное лицо нервно вздрогнуло, сердце учащенно забилось, большие карие глаза его вдруг наполнились слезами, ноги быстрее пошли, ему хотелось обнять все, поцеловать — и не выдержало молодое казачье сердце. Петр заплакал. «Родной хутор! — вырвалось у него из груди, — неужели я вижу тебя!» Но успокоившись, он вспомнил школу, где когда-то не так давно учился с друзьями, вспомнил тяжелое детство и самые близкие друзья мерещились в глазах: то Николай Гупалов, то тезка — Петр Дронов, то девушки, с кем ходил гулять в поле и рвать лазоревые цветы, но все это бежало в глазах, точно вихрь среди знойного дня и ему хотелось всех видеть, всех поцеловать. «Люблю тебя, родной хутор!» — воскликнул Петр, когда весь хутор открылся перед ним.

Он шел по поселку шахты и обдумывал встречу с родными. «Дома ли мать? А может отца угнали красные? — подумал Петр и ему стало страшно. — Нет, — успокаивал сам себя — должен выкрутиться от них. Он ведь пожилой, разные виды выдывал!»

Незаметно для себя он перешел крутую Свидовую балку и пошел по крайним тихим проулкам хутора, чтобы незаметным прийти домой. Показалась белая интернитная крыша куреня сквозь высокую густую крону абрикос.

— «Боже, — прошептал Петр, — курень, мой курень!» Ноги быстрее понесли его и он не владея самим собой, открыл калитку, взглянул на двери куреня, где стояла мать с ситом в руках и вольно крикнул: — Мама... родная!

Мать, бросив в сторону сито, кинулась со слезами навстречу ему. Петр, поцеловал мать, принялся успокаивать.

— Ну, хватит, мама, чего плакать, ведь я пришел, Бог дал целым. Довольно.

Из сада торопливо шагал на крик жены худошавый мужчина.

— Это ты, Петро? Здравствуй, сынок. Жив, Бог дал. Видишь, мать, — обратился он к жене, целуясь с сыном, — я говорил что он придет и пришел!

— Да много ты всего знаешь, — ответила мать, — сыночек наверно есть хочет, а ты со своим знахарством. Иди, Петя, умойся, переоденься, а я пока подогрею тебе обед.

— Не спеши, Елена Иосифовна, — сказал ей отец, — пусть он придет в себя. Иди, сынок, покурим, а потом и за обед сядем.

Отец и сын сели на приступки и, не находя слов, в безмолвии сидели первые минуты.

— Ну, сынок, — сказал Аким Михайлович, — расскажи, как же ты сумел остаться в живых?

— Папа, все рассказывать очень длинная история, мир не без добрых людей, спасся и пришел. Воевать то не за что, да и не за кого.

— Ты прав, сынок, — ответил Аким Михайлович и его худошавое лицо стало строгим; широкие черные брови вздрогнули, а карие глаза устремились в одну точку. — Воевать, конечно, не за что было. А вот теперь нужно подумать, как сейчас воевать надо. Немцам нужна казачья помощь. Они ведь нам помогали в революцию, надо теперь им помочь. Отдыхай, сынок, а потом видно будет. Зажили сейчас мы хорошо, по-старому; коммунистов я больше не боюсь.

Петр молча слушал отца, обдумывая его каждое слово.

— Да, папаша, теперь жизнь новая будет и я должен защищать свои казачьи права. Вот отдохну малость да и примемся за дело.

— Верно говоришь, сынок, — улыбаясь сказал Аким Михайлович и его глаза радостно блеснули, — сейчас иди мойся, кушай, побудь с матерью, отдохни, а тогда побеседуем о настоящем деле.

— Наверно что-то задумал отец, — размышлял Петр, вставая с приступок и направляясь к матери.

★

Солнце заходило за горизонт, а круглолицая луна уже ласково смотрела на землю. Тишина летнего вечера стояла над хутором и лишь на площади ее нарушала протяжная старинная казачья песня, веселый смех девушек и молодых казаков.

— Знаете, станичники, — сказал молодой веселый казак, — говорят люди, что Петр Громов пришел, тезка ведь

твой, Пепал! Ты бери баян да пойдете к ним, поглядим на него.

Улица разногласно загудела, группа молодых казаков с песнями направилась к Грозовым. Звук гармоники, веселая бодрая песнь, задорный смех приближался к Петрову куреню.

Петр, услышав знакомые голоса, вышел навстречу друзьям, остановился у калитки, поджидая веселую компанию, надеясь встретить своих ближних товарищей. Долго ждать не пришлось. Впереди всех, наигрывая на гармонике, шел самый любимый друг Петра. Лунный свет бледно осветил его улыбающееся лицо и, Петр увидя друга, не устоял, побежал навстречу.

— Пепал, да это ты? Жив? — воскликнул Петр, обнимая товарища.

— Заходите в курень! — пригласил Петр, — посидим, расскажите хуторские новости!

Вся компания, с громким разговором, зашла в курень Грозовых, где улыбкой встречал молодых казаков Аким Михайлович. Он стоял рядом с Еленой Иосифовной, слушал рассказы молодежи, а когда было все несколько раз переговорено, он сел на маленький табурет и сказал:

— Я, вот, смотрю на вас, родные и не могу нарадоваться! Какне вы бодрые, веселые и крепкие, а ведь не так давно, когда вы учились у меня, вы были малыми и непослушными.

Все устремили взгляды на своего старого учителя. Они его хорошо знали, как учителя сельской школы но не знали, что он старой армии офицер. Став взрослыми, молодые казаки приходили к нему как к отцу за теми или иными советами.

— Я вас воспитывал, — продолжал Аким Михайлович, — и направлял на правильный путь жизни. Теперь послушайте меня, старика, и обдумайте каждое слово.

Акиму Михайловичу на минуту замолк, и продолжал:

— Вот, вы сейчас самостоятельные взрослые люди, но все же, я хотел бы, чтобы вы еще раз последовали моему совету. Если вам говорить о жизни при советах, то вы все сами видели и хорошо знаете. Я хочу сказать вам о новом деле, задуманном мною еще давно.

Нужно сказать, что во время революции нам помогли немецкие войска отражать большевистский натиск на Дон. А есть одна старинная пословица: «Долг платежом красен». Сейчас, когда мы освободились от жидо-большевизма, благодаря немецкой армии, мы должны отблагодарить их. Чем именно? По моему, самой большой благодарностью, будет только вступление в германскую армию. Мы — казаки! Я, хоть и в преклонных годах, но еще сяду на коня.

Нужно организовать свои, донские части.

Акиму Михайловичу замолчал, нагнул голову, ожидая ответа своих воспитанников.

Юноши переглянулись между собою, будто выбирая кто должен первый сказать своему учителю, но после некоторого молчания встал товарищ Петра.

— Акиму Михайлович, — сказал он, — нам много рассуждать не приходится. Что скажете, то будем делать. Вы больше нас пережили, вам видней! Жидовню с коммунистами мы очень ненавидим, а организовать свои, казачьи полки, дело очень хорошее».

Глаза Акима Михайловича выражали большое удовольствие.

— Я этого только и ожидал. Будет наш первый Синегорский полк, который оправдает доверие германского командования, а после заживем счастливой свободной жизнью.

Когда юноши вышли от Грозова, на них воздух дышал прохладой, и луна хотела уйти за горизонт.

Акиму Михайловичу и Петру проводили до калитки гостей,

еще раз простились и долго стояли около двери, провожая взглядами, уходивших по домам, молодых казаков.

— Хорошие казаки! — сказал Акиму Михайловичу, с ними можно большие дела делать!

Звезды медленно погасали, а на востоке еще ярко блестела зарница, в первых бледных лучах утреннего солнца.

★

Дни шли незаметно, быстро. Петр, отдохнув с неделю, начал работать в полиции следователем. Атаман уважал его за добросовестную работу, а Петр отвечал ему честным трудом.

Одновременно, Акиму Михайловичу собирал старых офицеров для организации полка и уже к ноябрю, казаки заполнили несколько сот вступительных анкет.

С Синегорского набралась отдельная сотня и приступила к несению патрульной службы. Полк рос ежедневно.

Осеннее солнце слабее нагревало землю, дни становились короче и холодней. Петр, окончив работу, вышел из управления и направился было домой, как знакомый оклик остановил его и он невольно обернулся. Около здания стоял с улыбкой, его товарищ — Петр Стариков.

— А, — протянул Петр, подходя к нему, — это ты! Сегодня еще не видел тебя. Ну, здравствуй! Друзья позвали друг другу руки и Стариков сказал:

— Приходи к Агафоновым, ведь сегодня престол, нужно отметить праздник. Водочки достали, музыкой обеспечено.

Петр посмотрел на его преждевременную лысину и прижмуренные серые глаза, минуту подумал и ответил:

— Постараюсь прийти.

— Хорошо, — ответил Стариков, — отнеси свои бумаги и приходи часам к восьми...

Петр, охмелевший от водки, возвращался домой. Казалось, что еще никто не спит. «Какая красота, — подумал Петр, — как приятно смотреть, когда всем весело, все хорошо живут, не опасаясь НКВД! Коммунистов кончили и бояться теперь окончательно некого». Он подошел к куреню и хотел было открыть дверь, как, вдруг, услышал глухой далекий разрыв снаряда.

«Что это значит?» — с тревогою спросил сам себя Петр — «неужели отступление?»

★

Январь окончательно сковал Донец сплошным белым мостом. Немецкие войска и Первый Синегорский полк, под командованием своих казачьих офицеров, заняли оборону по правому берегу Донца. Красные непрерывно наступали, бросая в бой все новые и новые резервы. Казаки беспощадно расстреливали уничтожающим пулеметным и минометным огнем их непрерывные, серые, наступающие цепи.

Хутор, казалось, вымер и лишь иногда по улицам проходили цепочкой казаки или немецкие солдаты. Наступил час решительной схватки, час расплаты за все обиды, которые нанесли им жидо-большевики.

На хутор Ясиновский, вдоль по лесистой балке, непрерывно наступали красные цепи. Они сбили малочисленную оборону, и сейчас же, все ближе и ближе подходили к хутору. На помощь немецким солдатам была отправлена отдельная Синегорская сотня под командованием сотника Рыковского, которая мощным ударом опрокинула вражеские цепи. Противник был отброшен за Донец.

Полк вполне оправдал доверие немецкого командования своим мужеством, преданностью и беззаветной храбростью.

Но пришло неожиданное известие и казаки загрустили. Дан приказ отойти на новые позиции. Никто не хотел уходить с родных хуторов, казаки желали биться до последнего патрона, а не уходить с любимого Донца. Но при-

каз был святым законом для казаков и, не теряя надежды на возвращение, распрощавшись с родными, отошли до Миуса.

★

Прошел год. Синегорский полк влился в казачью дивизию, сотни были расформированы по отдельным полкам, которые теперь сражаются на Европейском континенте с мировым жидо-большевизмом. Мало кто не имеет награды, все почти отличился в боях. Груды станичников украшены крестами и медалями.

Придут хуторцы на отдых, соберутся вместе за чаркой вина, запоют родные, казачьи песни и многострадальная ковыльная сторона вспомнится им; станет грустно, тяжело на сердце... прервется песнь. Все молча смотрят один на одного, а в глазах, как на экране, представляются родители, знакомые...

— Что, вы, братцы зауныли! — крикнул всегда не унывающий и веселый Василий Жуков: «ну-ка Курносов, заведи на своей гармошке барыню, не печальтесь, разобьем жидовню и придем домой!»

Гармоника весело зальется звонким голосом, лица посветлеют и как ни в чем не бывало танцуют казаки веселый танец, громко выбивая такты.

Скоро, скоро придем братцы в родной хутор! Встретимся со своими, заживем новой жизнью, такой жизнью, что и деды такого веселья не видели! Донец ласково улыбнется нам и успокоится, увидевши своих сынов. А сейчас надо бить без пошады жидо-большевистскую свору так, чтобы ни одной грязной красной собаки не осталось на нашей родной, обильно политой кровью наших дедов, вольной донской земле!

Петр Химин.

Как разыскать родных?

Германское Верховное Командование сообщает нижеследующее:

В связи с войной на Востоке, за последние годы многие члены семей разлучены друг с другом. Путем объявлений о розыске, помещенных в газетах освобожденных областей, а также благодаря посредничеству газет, издаваемых для добровольцев, многим семьям удалось вновь завязать сношения друг с другом. Однако, от добровольцев, от населения освобожденных областей и от тех лиц, которые путем своей работы в Германии участвуют в борьбе против большевизма, все еще поступают запросы о местонахождении их родственников.

Идя навстречу этому совершенно понятному желанию сохранить связь между членами семьи, Германское Верховное Командование решило органи-

зовать несколько центральных справочных бюро, которым будет поручено давать справки на поступающие вопросы, поскольку это позволяют имеющиеся на лицо материалы.

Организовано четыре центральных справочных бюро, деятельность которых будет распространяться на отдельные административные области, согласно опубликованной при сем схеме. Все запросы следует направлять по указанным ниже номерам полевой почты центральных справочных бюро. Для вышеупомянутых запросов надлежит пользоваться исключительно открыткой полевой почты, изображенной в этом номере журнала. Бланки таких открыток полевой почты следует запросить у того немецкого учреждения, в подчинении коего находится запрашивающий.

Адреса справочных центральных бюро:

I Центральное Справочное Бюро

полевая почта № 57800

РСФСР:

Краснодарский край с Автономной Адыгейской областью,
Орджоникидзевский край:
Кизлярский район,
Карачаевская автономная область,
Черкесская автономная область,
Ростовская область,
Дагестанская АССР,
Кабардино-Балкарская АССР,
Калмыцкая АССР,
Северо-Осетинская АССР,
Чечено-Ингушетская АССР,
Крымская АССР.

Украинская ССР:

Запорожская область,
Николаевская область,
Одесская область,
Сталинская область.

Молдавская ССР.

Азербайджанская ССР с Нахичеванской АССР.

Грузинская ССР.

II Центральное Справочное Бюро

полевая почта № 11900

РСФСР:

Воронежская область,
Курская область,
Сталинградская область с Астраханским районом.

Украинская ССР:

Винницкая область,
Волинская область,
Ворошиловградская область,
Днепропетровская область,
Житомирская область,
Каменец-Подольская область,
Киевская область,
Кировоградская область,
Полтавская область,
Ровненская область,
Сумская область,
Харьковская область,
Черниговская область.

III Центральное Справочное Бюро

полевая почта № 19000

АСФСР:

Московская область,
Орловская область,
Рязанская область,
Смоленская область,
Тульская область.

Белорусская ССР:

Барановичская область,
Брестская область,
Виленская область,
Витебская область,
Гомельская область,
Минская область,
Могилевская область,
Пинская область,
Полесская область.

IV Центральное Справочное Бюро

полевая почта № 39609/Рш.

РСФСР:

Калининская область с Опочкинским районом,
Ленинградская область с Кингисепским и Псковским районом.

Для того, чтобы разыскать желаемое лицо — следует заполнить почтовый бланк так, как указано на снимках и отослать открытку тому справочному бюро, которое ведает районом, где раньше проживал разыскиваемый. Например, если ваша разыскиваемая жена жила раньше в Курской области — то бланк о розыске следует направлять II-му Центральному справочному бюро, полевой почта № 11900.

Feldpost

An die
Dienststelle

Feldpost-Nr 39609/Ru
(in полевой почте)

Я разыскиваю (ich suche)

Фамилия, имя и отчество, у женщины и девичья
(Name, Vorname und Nachname — bei Frauen auch Mädchennamen)

Фамилия Сидоров (девичья)
Николаевна) Дарто Тетрты

Дата и место рождения 12 февраля 1913г.
(Geburtsdatum und Geburtsort) г. Херсон

Место жительства на 22.6.41 Область, район, село
(Wohnort am 22.6.1941)
или город, улица, дом № Орловская обл.,
Казань, Батик, Dorf oder Stadt, Straße (Hausnummer)
Ведовский р-н, с. Кострижана

(Возможное место жительства после 22.6.41)
(Evtl. Wohnort nach dem 22.6.1941)
г. Николаев

Бланк нужно заполнять четко и разборчиво, без помарок и зачеркиваний, лучше чернилами.

Последний вопрос на оборотной стороне бланка возможное место жительства после 22.6.41 г. (того кто разыскивает) — внесен в бланк по недосмотру при типографском печатании и не заполняется.

Р о з ы с к и

М. Гладков разыскивает Г. И. Харина, Ал. Вас. Данькова, ес. Ал. Пирогова, Ив. Фил. Курина, Вас. Ал. Гладкова, Кир. С. М. Гладкова и Макс. Гр. Попельнюка. Адрес: Kosak Michel Gladkow, Herres-Unteroffiziersschule Jauer, Schlesien (8).

Матвиенко Николай и Новиков Иван, ст. Григоро-Палицкой, Ново-Алекс. района, Ф. П. № 56577 — Ал. Гр. Черкашина и Ив. С. Новикова.

Романов Венедикт Николаевич, ст. Донецкой (переходец из У. Белокалитвенской — сыновей и родственников. Ф. П. № 30391.

Макаренко Дмитрий Федорович, ст. Ново-Величковской (Кубань), Ф. П. № 56577 — брата Андрея.

Сидоренко Андрей Николаевич, Ф. П. № 56577-А — братьев Василия и Петра.

Черный Алексей Прокофьевич, Ф. П. № 56577 — родственников и станичников ст. Н.-Титоровской (Кубань).

Кутняк Ив. Павлович, Ф. П. № 56577-Е. — земляков из с. Дербетовки Дивенского района.

Верведа Николай Иванович, с хут. Ново-Троицкого (Дон) отца Ив. Ефимовича. Ф. П. № 11660-Ф.

Кушелев Федор Фадеевич, Ф. П. № 11660-Е — брата Лавра.

Салбиев Ник. Александрович, Ф. П. № 48903-С — братьев и родственников.

Котляров Максим Федорович, Ф. П. № 48660-Д — сына Николая.

Васильев Мих. Кондратьевич, Ф. П. № 57644-Е — брата Александра, Зубенко Вас. Ефимовича и Ватулина Сем. Мих.

Яковенко Григорий Кирил., Ф. П. № 48660-В — отца.

Работа центральных справочных бюро во многих отношениях оказалась благотворной.

Благодарственные письма от эвакуированных, поступающие с различных сторон, свидетельствуют о том, что эта организация играет огромную роль в деле попечения об эвакуированных.

В заключение следует указать, что каждый разыскивающий своих родственников, должен дать

Кто разыскивает: (Aufsucher des Vermissten)	Место жительства на 22.6.41 (Wohnort am 22.6.1941)
Фамилия <u>Сидоров</u>	Область <u>Орловская</u>
Имя и отчество <u>Иван Андреевич</u>	Район <u>Ведовский</u>
У женщины и девичья фамилия (Bei Frauen auch Mädchennamen)	Село или город <u>с. Кострижана</u>
	Улица <u>дом №</u>
	Место жительства теперь: (jetzt Wohnort)
	Область <u>Николаевская</u>
Дата и место рождения (Geburtsdatum und Geburtsort)	Район <u>Скадовский</u>
<u>19 сентября 1906</u>	Село или город <u>с. Б. Николаевка</u>
<u>г. Орел</u>	Улица <u>дом № 6</u>
Профессия и место работы (Beruf u. T. beschäftigt)	(Возможное место жительства после 22.6.41) (Evtl. Wohnort nach dem 22.6.1941)
<u>Слесарь</u>	
<u>Рем. мастерская</u>	

возможно точные данные как относительно самого себя (имя, отчество, фамилия, девичья фамилия, год и место рождения, место жительства до 22.6.41 г.), так и по возможности относительно разыскиваемого лица. Все эти сведения должны быть написаны ясно и четко, безразлично на каком языке.

От Редакции. Нашим читателям рекомендуем воспользоваться этим сообщением, так как размеры нашего журнала не позволяют удовлетворять все поступающие и нам в огромном количестве просьбы казаков о помещении объявлений о розысках их родных и близких.

Улитин Иван, ст. Прочнокопской, Ф. П. № 57644-Е — Илью Ив. Курунина и Дм. Род. Фиськова.

Селютин Мих. Ив., ст. Григориопольской, Ф. П. № 57644-Е — Вас. Киреевича Паршина и Ив. Вас. Горбушина.

Харитонов Вас. Данил., ст. Екатерининской (Дон), Ф. П. № 57644-Е — станичников.

Данилов Ив. Григ., ст. Семикаракорской (Дон), Ф. П. № 56049 № станичников.

Мельников Александр Ник., из Новочеркаска, Ф. П. № 09229 — жену и сыновей Александра и Николая.

Солодовник Никита Иосиф., ст. Кисляковской (Кубань) Ф. П. № 57644-Е — брата Антона.

Ковалев Иван, с хут. Соколова-Кундрюченского, Ф. П. № 46131-Е — брата Якова, родственников и хуторцев.

Шимко Алексей Елиз., ст. Корсунской, Ф. П. № 48871 — братьев Александра и Константина.

Пренько Иван Степанович, Ф. П. № 11660-Д — брата Ивана.

Калабухов Павел, с хут. Богатого, Бело-Калитв. ст-цы, Ф. П. № 11660-Е — брата Ивана Васильевича.

Глушко Мих. Андр., ст. Пластуновской, Ф. П. № 48903 — родных.

Аникин Федор Ник., ст. Гундоровской, Ф. П. № 57644-Е — брата Александра.

Богатырев Иван Вас., ст. Мигулинской, Ф. П. № 25185-Д — братьев и станичников.

Горб Николай Иудович, ст. Пластуновской, Ф. П. № 48660-Ф — брата Сергея.